

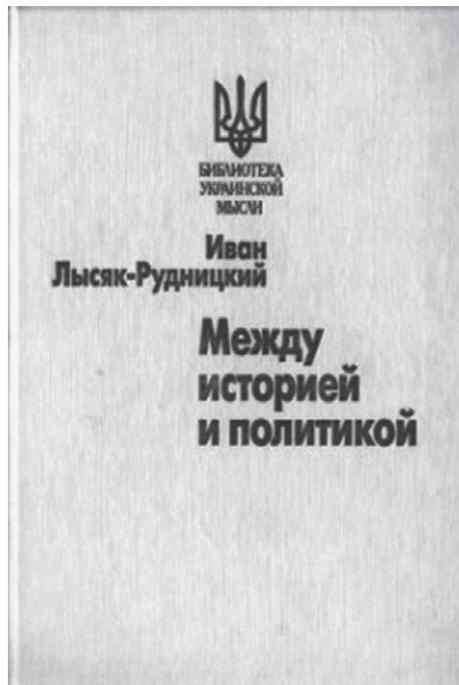
Какая украинистика нам нужна?

На русском языке вышла книга исторических эссе видного украинского историка-эмигранта Ивана Павловича Лысяка-Рудницкого (1919—1985). Издание привлекает внимание уже кругом лиц, причастных к его выходу в свет. Помимо профессора Львовского университета историка Я. И. Грицака и его соредатора — политолога Д. Е. Фурмана (Институт Европы РАН) отмечу и переводчиков: комсомольского лидера «горбачевского призыва» В. И. Мироненко, известного историка-слависта Э. Г. Задорожнюк и философа И. Е. Задорожнюка. Очевидно, что появление сборника — неординарная культурная акция, к которой причастны видные представители украинской диаспоры в Москве.

Выход книги можно рассматривать как вклад в российскую украинистику, делающую лишь первые робкие шаги. Действительно, еще 15—20 лет назад невозможно было представить даже сам факт возникновения этой дисциплины: в СССР изучение украинского языка, литературы и истории было сосредоточено почти исключительно в пределах УССР — и в то время это было абсолютно логично. За пределами же СССР важными центрами украиноведения являлись главным образом США и Канада — страны с многочисленной украинской диаспорой, по преимуществу западноукраинского происхождения. Но созданные там научные работы воспринимались в СССР крайне негативно (признаемся: на то были определенные основания).

После 1991 года ситуация стала постепенно меняться. Правда, поначалу украинистика казалась дисциплиной просто неактуальной; во многом это

Лысяк-Рудницкий И. Между историей и политикой / под ред. Я. Грицака, Д. Фурмана.
М.; СПб.: Летний сад. 2007. 636 с.

объяснялось ситуацией на самой Украине. Думаю, не будет большим преувеличением сказать, что национальное самосознание и основополагающие культурные особенности не были главной причиной провозглашения ее независимости. Ведь даже этнически русский Крым на референдуме в ноябре 1991 года большинством голосов высказался за отделение от «нищей» России. Да и после этого вовсе не украинское, а российское руководство решилось выступить инициатором встречи в Вискулях.

В то время не только украиноязычная, но и вполне русскоязычная часть украинской интеллигенции, главного проводника «незалежной» идеи, совершенно серьезно полагала, что идеологическим фундаментом «новой Украины» станет высокий жизненный уровень, поскольку экономическая свобода и независимость позволят в исторически короткие сроки преодолеть наследие «ига» ненавистного «Центра». Жизнь, однако, постепенно поставила все на свои места. Уже к середине 1990-х годов советское наследство было «проедено», и в «нищую» Россию потянулись толпы украинских трудовых мигрантов. Пришло время вспомнить, что в советскую эпоху «богатая и обильная» УССР была дотационной республикой.

Вместе с тем обнаружилась зыбкость и культурных основ постсоветского «украинства». Чем дальше, тем в большей степени украинское руководство осознавало, сколь гетерогенным является политическое объединение, полученное им в наследство от СССР. Ведь, вопреки распространенному у нас представлению, на самом деле существует вовсе не две, а минимум четыре «украины»:

— Галичина, Закарпатье и Буковина, присоединенные только в 1939 году, а до того входившие в состав Австро-Венгрии, позднее — Польши, Венгрии, Чехословакии и Румынии;

— Волынь (собственно «правобережная Украина», но без Киева), окончательно включенная в состав России лишь после третьего (1795) раздела Речи Посполитой;

— бывшая Слободская («левобережная») Украина, вошедшая в состав России после Переяславской Рады (1654);

— бывшая Новороссия — Северное Причерноморье с Крымом, присоединенные в результате русско-турецких войн 1767—1774 и 1787—1791 годов.

Причем проблема заключалась не только в различии доли украиноязычного населения от региона к региону, но главным образом в отсутствии какой-либо идентичности языка и традиций даже трех неоспоримо «украинских» областей. И совсем не случайно: ведь на самом деле Галичина, Закарпатье и Буковина; Волынь и наконец Слободская Украина — это, по существу, три *разные* истории, а единство их исторический путь обрел лишь в сталинские времена, когда они оказались в составе одного государства — СССР.

Где тонко, там и рвется: в условиях острых экономических проблем здание украинской «незалежности» зашаталось. И в данных социологических опросах, и во время выборов все явственнее просматривались культурно-исторические швы, разделявшие запад, центр, восток и юг страны. По мере того как нестабильность политической системы Украины становилась притчей во языцех, старая (назовем ее «экономической») идеологическая платформа украинской независимости заменялась новой. И хотя лозунг создания единой украинской «политической нации»

провозглашался украинскими властями изначально, тем не менее лишь с победой «оранжевой» революции (2004) политика насильственного навязывания «украинства» усилилась многократно. А украинское прошлое стало главным полем непрекращающихся «битв за историю», ведь общее прошлое и есть важнейшая скрепа национального самосознания. Соответственно, изучение истории Украины приобрело политическую актуальность и в России.

Прошу прощения за затянувшуюся вступительную часть. Но вне сказанного сложно понять современный украинский контекст, обуславливающий особое внимание к теоретическим разработкам, осуществленным украинскими интеллектуалами-эмигрантами в послевоенный период. Ведь именно в их работах прошлое Украины обретает определенную степень целостности, позволяющую ему стать идеологическим обоснованием искусственной и массивной украинизации.

В этом смысле фигура И. П. Лысяка-Рудницкого весьма показательна. Галичанин, выходец из рода священнослужителей-униатов, он сформировался под сильным влиянием матери профессора М. И. Рудницкой. Участник националистических студенческих групп, еще во Львове он испытал на себе, что такое польский национализм. В конце 1939 года Лысяк-Рудницкий с матерью перебрался на территорию нацистской Германии. Именно здесь, в Берлине, а затем в Немецком университете в Праге и прошла большая часть студенческой юности будущего историка. Причем уже в Берлине он вступил в Националистическую организацию украинских студентов, которая являлась коллективным членом «Новой Европы» — федерации национальных студенческих организаций, *официально* действовавших на территории Третьего рейха. Можно лишь догадываться, как «Новая Европа» соотносилась с перспективами гитлеровского «нового порядка», хотя автор предисловия (Я. И. Грицак) уверяет нас, будто его герой был либералом европейского типа. Хм... поверим и пойдем дальше.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что «один из выдающихся украинских историков XX века» «за свою жизнь... не написал ни одной книги» (С. 5). Более того, ему так и не удалось защитить диссертацию, несмотря на пребывание в докторантуре (аспирантуре) Колумбийского университета (Нью-Йорк) (в США он оказался в 1951 году): видимо, не случайно коллеги упрекали его за то, что он мало работал в архивах (см. С. 20). В итоге всю жизнь «выдающийся историк» подвизался на скромных преподавательских должностях во второразрядных колледжах и университетах (впрочем, и там ему не всегда находилось место: случались периоды безработицы и нужды). Все его наследие — полемические статьи и рецензии, собственно и составившие книгу. Так почему же авторы сборника придают его фигуре такое значение? Видимо, их интересовала не столько история, сколько политика.

Действительно, при ближайшем рассмотрении оказывается, что автор текстов являлся скорее публицистом, чем собственно историком. Несомненно хорошо образованный человек, он не столько *реконструировал*, сколько *конструировал* историю. С одной стороны, мы не найдем в его текстах ни грубых фактических ошибок, ни площадных обвинений в адрес оппонентов. Но с другой — мы не увидим и свежего исторического материала. Зато едва ли не на каждом шагу обнаружим глобальные обобщения и крас-

норечивые недомолвки — то, что, собственно, и отличает публициста (даже вдумчивого, каковым несомненно являлся Лысяк-Рудницкий) от профессионального историка. По его собственным словам, этот публицист видел свою миссию «быть голосом протеста против подлостей и преступлений, которые совершает против нашего народа чужая ему и враждебная власть» (С. 17).

Из множества примеров приведем только один, но весьма показательный. Среди прочего автор много и охотно рассуждает о «Переяславе» — о так называемых Мартовских статьях (1654) — договоре, собственно и оформившем признание власти «белого царя» над Слободской Украиной (см. С. 149—163, 553—578 и др.). Пафос рассуждений «историка» в том, что Россия обманом отняла у Украины широкую автономию, ей же самой и предоставленную. Однако история украинско-русских отношений во второй половине XVII века была крайне сложной и драматичной. Она никак не укладывается в упрощенные пропагандистские клише. Процесс укрепления власти московских царей над левобережьем Днепра растянулся на длительный период и был оформлен рядом документов (Переяславские (1659), Московские (1665), Глуховские (1669) «статьи»), постепенно менявших статус Украины.

Не менее сложными оказались и конкретные взаимоотношения московских властей и украинской казачьей старшины в эпоху заключения этих договоров: властолюбие одних вполне соседствовало с двурушнической (порой — предательской) политикой других (в том числе и по отношению к собственному народу). Желание старшины кормиться одновременно из двух (русской и польской), а то и более «рук» (знаменитая «руина»), разумеется, не оправдывает, но вполне объясняет нарастающую от договора к договору жесткость позиции Москвы. (Честно говоря, детали тех событий не красят ни ту, ни другую сторону.)

Но как раз в них-то Лысяк-Рудницкий разбираться как будто и не собирается. Он предпочитает работать «большими мазками», рисуя историю Украины «в целом». Так, он совсем не против порассуждать о соотношении понятий «народ» и «нация» (см. С. 34—36 и др.); о нациях «исторических» и «неисторических» (см. С. 55—67); терминологии и периодизации украинской истории (см. С. 68—74); об умирании и воскресении «Феникса» — украинского национального самосознания (см. С. 54 и др.) и прочих столь же драматично-красивых и глобальных вещах. Ведь как это приятно, например, небольшой (см. С. 164—196) статьей закрыть всю драматичную историю польско-украинских отношений: ни тебе вдыхания архивной пыли, ни тщательной выверки каждой цифры и каждого имени... Зато налицо эффектный вывод о вине Польши в том, что не видела в Украине равного соперника, стремилась подчинить ее, а потому шанс на уникальный «федеративный союз народов между Балтийским и Черным морями» был утрачен (см. С. 171).

Предоставив этот (явно не полный) перечень, я вовсе не собираюсь обвинять Лысяка-Рудницкого в преднамеренных фальсификациях: речь идет вовсе не о них, а о свойственном ему стиле мышления. При чтении становится понятно, почему этот несомненно глубоко эрудированный человек до конца жизни так и не закончил диссертацию. Дело в том, что в развитии своей мысли он шел не от фактов к концепциям, а от концепций (скорее от

априорных идей) к фактам, подобранным под уже готовую матрицу, минуя цепочку тягостных промежуточных обобщений.

Не случайно в книге наиболее интересны, пожалуй, разделы, посвященные именно истории идей, в данном случае — «украинской политической мысли». Сюда следует отнести любопытные очерки о взглядах таких видных идеологов украинского национализма (в разных его проявлениях), как М. Драгоманов (см. С. 237—302 и др.), В. Винниченко и В. Липинский (см. С. 485 и 507—523), а также обобщающие статьи на ту же тему (см. С. 197—236, 447—484 и др.). Эти деятели выглядят прометеями, хранящими искру национальной идеи и один за другим возжигающими разрозненные «факела» — от Галиции до «Надднепровья», огни которых постепенно сливаются в единое общеукраинское пламя. Возникает впечатление, будто и сама Украина воспринималась Лысяком-Рудницким как некая априорная идея, нуждающаяся не в обосновании, а исключительно в пропаганде — которой он, собственно, и занимался всю академическую жизнь, не смущаясь никакими препонами в виде «неудобных» фактов.

Столь же ревностно и априорно (как идею) публицист из заокеанской глубинки ненавидел Россию. Разумеется, она виновата в том, что является империей. Но прежде всего ее виновность определяется уже самим фактом существования. Ибо Россия — это великий соблазн для наивных украинцев, под влиянием которого, подобно крысам под звуки дудочки крысолова, они уходят с магистрального пути преобразования в «историческую» нацию. Давать ссылки на соответствующие места бессмысленно — они разбросаны по всей книге. Приведу лишь один характерный пассаж: «От России исходило сияние громадного престижа великой державы и блестящей имперской цивилизации. Многие украинцы, ослепленные этим сиянием, сами стремились приобщиться к нему. Сколь скромным и мизерным казалось то, что украинские патриоты осмеливались противопоставлять этой блестящей всеразрушающей колеснице! Насколько смехотворна диспропорция сил между громадной деспотичной державой и горсткой мечтателей, единственным оружием которых была вера!» (С. 116).

Но при этом, за исключением мелочных замечаний, никак не удастся понять, что *конкретно* плохого сделала Украине Россия. Требовала высокие налоги? — Но русские их и платили. Препятствовала распространению украинского языка и литературы? — Но разве не в России вышла «Переименованная Энеида» И. Котляревского — первый памятник украинской литературы? Разве не русские люди за свои деньги выкупили Кобзаря (Т. Г. Шевченко) на свободу и дали ему возможность творить? (И какие люди! Достаточно назвать имена В. А. Жуковского и К. П. Брюллова!) А разве великий Гоголь — не часть украинской (как, кстати, и русской) культуры?..

Стоит ли подвергать сомнению тот факт, что украинцы немало претерпели в период нашей общей истории? И крепостное право, и Голодомор, и войны, да и все болевые «точки» как имперской, так и советской систем. Но ведь они делали это *вместе* с русскими, а не *вместо* них (и не только русских). У нас *общая* боль, как, кстати, и *общие* победы — каковых Лысяк-Рудницкий, разумеется, не видит, поскольку на это не способен. Впрочем, нужно ли удивляться подобной слепоте заштатного заокеанского публициста, которого лишь гримаса истории посмертно возвела в «выдающиеся историки»?

Гораздо важнее понять: почему подобная книга вышла *в России*? Видимо, дали о себе знать национальные чувства «русских украинцев» (о Грицаке и говорить не смею), приложивших руку к изданию. Что ж, могу лишь посочувствовать тяжелой травме, переживаемой ими в отрыве от родной украинской почвы. Так что едва ли перепевы с галицийских голосов будут способствовать укреплению политических и культурных контактов между двумя народами.

В заключение замечу, что даже тогда, когда наши украинские *братья* выступают как оппоненты, они имеют полное право слышать в ответ заявления, основанные на детальном знании украинской (украинских?) истории (историй?), языка (языков?) и культуры (культур?), полученном в результате *собственных* научных исследований. А некритическая трансляция романтизированной галицийской русофобии не имеет к этому никакого отношения. ◆